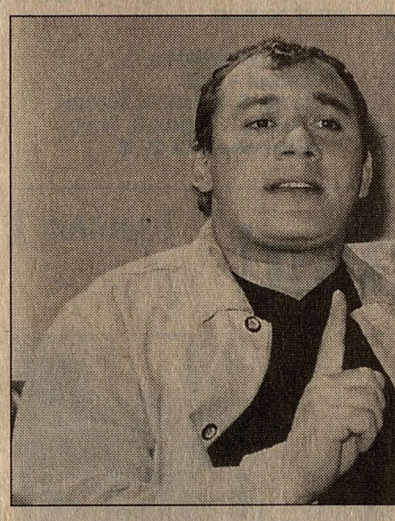
Друг народа

Веч. Москва. — 2000. — 24 февр. — С. 11

Если верить критикам, то Николай Фоменко — главная угроза духовности в стране. Его так много вокруг — в телевизоре, по радио, на рекламных щитах, — и вполне естественно валить на него все наши беды. Это он, грубый, лохматый, в кургузом свитере, изгнал из телевизора дивные интеллектуальные передачи и напихал туда низкопробного безобразия типа «Империи страсти». Теперь он делает радикальные программы, участники которых, похоже, доживают до финальных титров по чистой случайности. Два подобных проекта — «Перехват» Дэвида Гамбурга и «Телеспецназ» Андрея И — в свое время наделали шуму, но быстро были закрыты. Третий — «Экстремальные ситуации» — выходит в эфир НТВ 26 февраля. Накануне премьеры **Николай ФОМЕНКО**, который вообще-то любит телекритиков не больше, чем они его, все же согласился ответить на вопросы корреспондента ТТ **Романа ВОЛОБУЕВА.**



ТТ: Может, хоть вы мне объясните, что это за странная программная политика — делать дорогущие проекты, выпускать их с большой помпой на экран, а потом через месяц закрывать?

Н.Ф.: Логика всякий раз разная. Скажем, «Перехват» просуществовал почти год и погиб из-за разногласий с Госавтоинспекцией. По официальной версии, мы создавали на московских улицах аварийные ситуации. На самом деле мы были готовы перенести съемки на полигон, но ГАИ и этот вариант не устроил. Вероятно, их претензии лежали в несколько иной области.

ТТ: Может, денег хотели?

Н.Ф.: Я этого не говорил.

ТТ: Замнем. А «Телеспецназ»? Это был суперсложный с инженерной точки зрения проект, в него вбухали кучу денег...

Н.Ф.: «Телеспецназ» имел все шансы стать суперпрограммой. Рейтинг у него был совершенно сумасшедший. Но у продюсеров и руководства нашлись свои соображения. Так всегда бывает. Я сегодня не знаю, что станет с «Ситуациями». Все наши программы производятся практически без участия НТВ: в них нет ни НТВшных денег, ни камер, ни людей. Вполне естественно, что таким проектам сложнее пробиться в эфир, чем программам, производимым внутри канала.

ТТ: В анонсах «Ситуаций» есть совершенно безумные кадры: какие-то горящие вертолеты, прыжки с нераскрывающимся парашютом. Это все подстроено?

Н.Ф.: Вообще есть сценарий, по которому герои оказываются в неожиданных для себя ситуациях. Но штука в том, что не всегда можно прогнозировать развитие событий. Скажем, у нас был запланирован прыжок с вертолета, но на высоте 1,5 километра в сопло попала птица, парашютисту пришлось лезть доставать ее, а всем остальным вместе с камерой прыгать. Или, скажем, на этих съемках я преодолел свой давний страх и впервые в жизни сел в вертолет. Через 24 секунды после начала съемки мы срезали хвостом высоковольтку, закрутились в проводах и упали на картофельное поле. Конечно, мы пытаемся свести риск к минимуму, на площадке дежурит «скорая», но передача по сути своей — не безопасная. Потому мы и отказались от идеи пускать в нее каких-то там звезд или просто обычных людей: в программе участвуют только люди экстремальных профессий — пожарники, работники МЧС и т.д. Тем не менее вот только что на съемках один из участников сорвался с 25-метровой высоты и сломал ногу. Это, кстати, войдет в программу.

ТТ: Мне говорили, что такие проекты возможны только у нас с нашим дремучим законодательством: на Западе страховые обязательства делают их заведомо убыточными. Ваши участники хоть как-то защищены?

Н.Ф.: Мы все застрахованы. За сломанную ногу человеку выплатили деньги. Конечно, речь не о каких-то бешеных суммах — я же не Брюс Виллис. Зато у нас есть возможность делать такие передачи. Американцы одно время хотели снимать у нас свою версию «Перехвата»: привезти своих полицейских, угонщиков из своих тюрем, все свое... От нас было нужно только легальное пространство. С годами, когда появятся нормальные серьезные законы, таких возможностей не будет. Так что надо ловить момент.

ТТ: А для чего все это? В сытой спокойной Америке такие программы нужны, чтоб население пар выпускало. Но у нас... Вруби вечером новости – вот тебе и экстрем по полной программе.

Н.Ф.: Сегодня у нас действительно трудно снять что-то экстремальнее новостей. Но наши рейтинги объясняются не столько экстремальностью, сколько тем, что мы говорим со зрителем на человеческом языке. А это на нашем ТВ — редкость. Человек приходит с работы, включает телевизор и видит там нереального персонажа, который с нереальной интонацией (показывает, какой именно. — ТТ.) говорит: «Здра-авствуй, дорогой друг». Когда мы в поисках денег для своих проектов ходим по офисам солидных фирм, то изредка видим там людей, похожих на дикторов программы «Сегодня». Но в реальной жизни, в метро, где городской человек проводит большую часть времени, их нет. И языка, на котором они говорят, тоже нет.

ТТ: ...страшно далеки они от народа, да?

Н.Ф.: Знаете, я объехал и обошел пешком 350 российских городов. Я знаю, что значит «за Уралом». И когда возникают споры с руководством и люди, всю жизнь сидящие на улице Королева, со знанием дела говорят: «А за Уралом это смотреть не будут», я теряюсь.

ТТ: У вас с руководством идейные разногласия?

Н.Ф.: Я никак не могу донести до них свою позицию. У руководства каналов (подчеркиваю, в данном случае я не говорю о канале НТВ) есть странная привычка относиться к любому проекту как к последнему в жизни. Будто сотни миллионов в него вложены, и надо, кровь из носу, получить миллиардную прибыль. А телевидение — живое, очень сиюминутное дело. Удалась программа — здорово, не удалась — закрывайте. Но нельзя вечно улучшать, доделывать, подправлять. Надо легче относиться к информации. Не в плане достоверности, разумеется, а в плане формы ее подачи и использования. Сейчас все меняется со страшной силой: еще пятьшесть лет, и Интернет, мобильная связь снесут этот упертый подход к чертовой матери. И в такой ситуации довольно глупо на протяжении 12 лет обременять зрителя вращением барабана. Если бы у меня не было на сей счет идейных разногласий, я бы все еще вел «Проще простого», или «Поп-антенну», или, не знаю, что там еще было?.. Нужно все время придумывать что-то новое.

> **Правительства у нас прозорливы, прогрессивны и смотрят в даль. И бог с ними. Как говорится, «пусть их ходют, они уже взрослые»**

ТТ: Значит, когда в стране будут нормальные законы и вам в судебном порядке запретят падать в вертолете на картофельное поле, это не станет личной трагедией?

Н.Ф.: Конечно, нет. Телевидение для меня — часть вторая. Я актер, это моя основная профессия.

ТТ: Модный сегодня английский актер Джейсон Флеминг как-то сказал, что в хорошем кино он снимается для удовольствия, а в плохом — потому что за это много платят. Вы как-то разделяете для себя, какую работу делаете для души, а какую — безбедной жизни ради?

Н.Ф.: Ни в коем случае. Это что же получается? Выходить к людям с фигой в кармане, мол, я тут случайно, мои деньги в другом банке... Так нельзя. Бывают редчайшие случаи, когда в том же театре приходится делать нечто, заранее зная, что выйдет плохо. Я стараюсь этого избегать, но не всегда удается. Актер — военная профессия: сказали сыграть, значит, надо играть. А если начинаются разговоры на тему «я этого не могу, не хочу, не люблю», значит, ты не профессионал. Но на сознательную халтуру, о какой говорит Флеминг, я никогда не пойду. Чтобы по-быстренькому за большие деньги сняться в сериале, так этого не было и никогда не будет. Как достойно заработать, мы знаем.

ТТ: Любого успешного телеперсонажа в какой-то момент становится слишком много, и он начинает раздражать уже фактом своего существования. В свое время это случилось с Новоженовым, скоро, наверно, случится с Дибровым... Вас очень много. Не боитесь окончательно превратиться в человека-трейдмарк?

Н.Ф.: Мы с моей командой этот процесс отслеживаем. Можно сказать, что мое присутствие на экране дозируется. Возможно, вы не заметили, но меня год не было на ТВ, потом я вел детскую программу. Я многих раздражаю, но это, в общем, тоже часть актерской профессии. Кстати, перерывы в телекарьере я переношу спокойно. Даже с удовольствием.

ТТ: Сейчас много говорят о том, что частным СМИ скоро перекроют кислород. Многие спешат перейти на государственные хлеба. Не боитесь потерять работу, если вдруг наступит диктатура?

Н.Ф.: Давайте я расскажу вам про диктатуру. Когда я играл в группе «Секрет» и мы сдавали свою программу в Ленконцерт, тамошний худсовет во главе с Эдуардом Хилем говорил нам, что мы играем музыку толстых, и настойчиво советовал разбавить ее народными инструментами. Ну чтоб кто-то из нас выбегал с балалайкой или домрой. Но мы както миновали это. Потом я играл в театре, в кино, работал на ТВ — это было при разных правительствах, но я делал то, что считал нужным. Правительства у нас прозорливы, прогрессивны и смотрят в даль. И бог с ними. Как говорится, «пусть их ходют, они уже взрослые». А мы всегда найдем, чем их обрадовать. Вот что я думаю насчет надвигающейся диктатуры. Главное, чтоб она не забыла позвонить и сообщить, когда совсем надвинется.

24.2.2000

Фоменко Николай